

Рецензируемый словарь составлен группой китайско-русского словаря Шанхайского института иностранных языков под руководством проф. Гу Байлиня. Издание входит в серию китайско-иностраных словарей, вышедших в Китае в 60-х годах. Как и остальные словари этой серии, он предназначен для китайских читателей. Именно поэтому каждый русский эквивалент китайского слова снабжен контрольным переводом на китайский язык, а модель управления русских глаголов всякий раз объясняется с помощью местоимений.

Словарные статьи содержат также синонимы основного эквивалента китайского слова, не исключая диалектных и просторечных с соответствующими пометами. Их назначение состоит в том, чтобы избавить читателя от необходимости прибегать к словарям синонимов и создать наилучшие возможности для подбора нужного эквивалента китайского слова при переводе его на русский язык. Переводы иллюстрируются примерами с их русским соответствием. Содержание этих примеров часто весьма политизировано. Особенно явственно это проявилось в 1-м издании словаря, вышедшем в 1977 г. При подготовке ко 2-му изданию политическая острота примеров была во многом снята, однако полностью избавиться от нее так и не удалось. Транскрипции географических названий, встречающихся в словаре, во 2-м издании приведены в соответствие с современным требованием передавать их на письме в произношении национального языка путунхуа: Пекин в 1-м издании исправлен на Бэйцзин во 2-м.

Китайско-русский словарь основывается на самом авторитетном в настоящее время толковом «Словаре современного китайского языка». Он содержит достаточно полный список слов современного национального языка путунхуа. Описание семантики слов в этом словаре представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с предшествующими.

Таким образом, китайско-русский словарь создавался на прочной лексикографической основе. Основная проблема, которая стояла перед составителями, заключалась в том, чтобы наиболее адекватно передать эту семантику средствами русского языка.

Китайский и русский относятся к разным типам языков. Как в том, так и в другом имеются фонемы, морфемы, слова, словосочетания. Различие между этими языками состоит в том, что их языковые единицы образуют разные струк-

туры. Деление русской речи на просодические единицы — слоги налагается на ее деление на морфологические единицы — морфемы. При этом деление речи на слоги и ее деление на морфемы обычно не совпадает. В китайском языке его минимальная значимая единица — морфема, — как правило, представляет собой слог, поэтому деление речи на слоги в китайском языке обычно совпадает с делением речи на морфемы.

Просодическое членение русской речи на единицы выше слога — это членение на «фонетические» слова, разделенные лаузами; ограничения на число слогов в «фонетических» словах отсутствуют. В китайском языке просодические единицы характеризуются прежде всего с количественной стороны: они представляют собой двуслоги, трехслоги, четырехслоги. Их метр соответствует общему речевому ритму китайского языка, где регулярно выделяются речевые отрезки из двух и четырех слогов. Часть из них создается в момент речи, а часть существует в языке как устойчивые слова или словосочетания.

Эти просодические единицы А. А. Драгунов называет количественными [1]. Морфемы, образующие их, связаны между собой синтаксическими связями, основанными на порядке их следования. Отличие малого синтаксиса количественных единиц от большого синтаксиса предложения состоит в том, что в малом синтаксисе никогда не используются служебные морфемы. Просодические единицы — двуслог или трехслог — могут содержать знаменательные и служебные морфемы. От единиц, состоящих из знаменательных слов, соединенных по правилам общего синтаксиса китайского языка, они отличаются тем, что знаменательная и служебная морфемы здесь соединены по правилам морфотактики: служебная морфема следует за знаменательной. Из этого правила имеется лишь два исключения: *ди-* — префикс порядковых числительных и *а-* — уменьшительно-ласкательный префикс перед терминами рода.

Количественные единицы китайского языка могут быть как словами, так и словосочетаниями. В качестве формального критерия их принадлежности к тому или иному классу синтаксических единиц обычно используется способность составляющих ее частей к разделению какими-либо знаменательными или служебными морфемами.

Рассмотренная выше структура лексических единиц китайского языка опре-

делает состав словаря китайского языка: словарь включает все морфемы и устойчивые количественные единицы независимо от того, являются последние словами или словосочетаниями. Соответственно любая словарная статья в китайском словаре делится на две части: объяснение значения односложной гнездовой морфемы, обозначенной иероглифом, отчего очень часто считается, что в данном случае речь идет о толковании значения иероглифа, и объяснения значений многосложных устойчивых сочетаний, содержащих эту морфему. В рецензируемом словаре морфемы внутри словаря и устойчивые сочетания внутри гнезда расположены в порядке алфавита пиньинь цзюму. В каждой словарной статье на первом месте находится гнездовая морфема, за ней по алфавиту следуют устойчивые сочетания. Каждая статья китайско-русского словаря представляет собой почти полное гнездо слов и устойчивых словосочетаний, содержащих в своем составе гнездовую морфему.

Помимо своего лексического значения морфемы китайского языка характеризуются также синтаксическими свойствами. В русском языке лишь небольшая часть морфем может выступать как самостоятельная синтаксическая единица, в частности как односоставное назывное предложение. Китайская морфема тоже лишь с большим трудом может выступать самостоятельно. Для этого требуется инициация целого предложения. Она может быть: 1) повествовательной: *zao bu zao?* — *zao* «хорошо ли?» — «хорошо»; 2) вопросительной: *ma?* «лошадь?»; 3) восклицательной: *nao!* «бег!» и т. п. Таким образом, как в китайском, так и в русском языке морфема чаще всего выступает как часть диалога или текста. В китайском языке односложная морфема может реализоваться в предложении как его самостоятельная часть. Так морфемы *ma* «лошадь» и *nao* «бежать», о которых шла речь выше, легко объединяются в предложение *ma nao* «лошадь бежит», где каждая из них выступает в качестве его самостоятельного члена. Такие морфемы называются свободными. В некоторых грамматических теориях они называются односложными словами.

Однако наряду с ними существуют и такие морфемы, которые даже в составе предложения не могут употребляться самостоятельно. Морфема *bi* «клешевина» может употребляться в речи только в составе бинома *бима* букв. «клешевинокопья». В трудах по лексикологии различаются также промежуточные случаи, но дело не в них, а в том, что синтаксические свойства морфем китайского языка различны. Свободные морфемы могут выступать в предложении в ка-

честве его самостоятельного члена или быть отдельным назывным предложением. Зависимые морфемы, подобно большинству морфем русского языка, могут быть лишь частью слова и входить в предложение только на правах этой части.

В современной китайской лексикографии описание значения морфем зависит от того, является она свободной или зависимой. В «Словаре современного китайского языка» значение свободных морфем подробно истолковывается с указанием всех значений, которыми они обладают. Значения зависимых морфем не истолковываются. При них имеется отсылка к устойчивым сочетаниям, из которых читатель должен вывести значение самой морфемы. Такое уклончивое описание значений зависимых морфем вряд ли можно признать удачным. Для семантики не важен способ реализации значения. В лексических единицах «маленький теленок» и «теленочек» с точки зрения семантики слово «маленький» и суф. *-очк* являются вполне эквивалентными средствами поверхностного выражения глубинного смысла «быть маленьким». Поэтому, как представляется, отсутствие прямого описания семантики морфемы — это слишком высокая цена за информацию о ее синтаксической зависимости. Эта особенность описания значения зависимых морфем в современной китайской лексикологии перенесена в китайско-русский словарь. К счастью, она выглядит как дань теоретическим представлениям авторов словаря и не существенна для квалифицированных читателей. Однако у начинающих эта особенность описания может вызвать недоумение.

Лексика китайского языка обладает внутренней структурой, которую создают парадигматические классы слов, обладающие некоторым общим значением. Традиционно выделяются синонимические ряды, которые характеризуются тем, что их члены обладают одинаковой денотацией, но различными синтагматическими свойствами. Так, например, для передачи понятия «верхушка» существуют по меньшей мере три синонима: универсальный термин *дин* «верхушка», «вершина» и специализированные *дань* «верхушка (дерева)» и *фэн* «заостренная вершина, пик (горы)». При этом слово *дин* «вершина» употребляется универсально: *удин* «крыша», *шудин* «верхушка дерева», *шаньдин* «вершина горы», а остальные специализированно, ср. *шудань* «вершина дерева», *шаньфэн* «горная вершина». Традиционно выделяется также группа антонимов. Эта группа невелика по объему, но чрезвычайно важна для образования лексических единиц типа *минцян аньцзянь* «не разбираться в сред-

ствах для достижения цели» (букв. «явная пика и тайная стрела»).

Гипонимы делятся на классы по различным признакам. Например, существует общий гипонимический класс названий цветов, который делится на подклассы обозначений цвета, где каждый основной цвет выступает в качестве родового названия для членов этого класса, обозначающих его оттенки или признаки. На уровне биномов гипонимия является одним из наиболее распространенных способов парадигматической организации лексики китайского языка. Двусложные слова этого типа образуются с помощью родового термина и его видовой характеристики, выраженной именем или предикативом. С точки зрения референции такие биномы напоминают логическое определение через ближайший род и видовое отличие. В этой формальной модели родовый термин выступает как определяемое, а название видового отличия — как определение. Гипонимия обязательна при использовании морфемы в качестве имени собственного: *Ханьшуй* «река Хань», *Ханьчэн* «город Хань», *Ханьцзунь* «деревня Хань» и т. п., а также *Хуанхэ* «Желтая река», *Хуанчэн* «Желтый город», *Хуанцзунь* «Желтая деревня».

Другой областью регулярного использования гипонимии как приема словообразования является номинация — создание новых слов для новых вещей. Каждый родовый термин образует биномы, принадлежащие определенному парадигматическому классу. Например, морфема *сун* «сосна» и *ян* «тополь» являются родовыми терминами, с помощью которых образованы названия десятков разновидностей хвойных и лиственных деревьев. Точно такие же классы формируются из слов, обозначающих предметы, созданные трудом человека. При образовании названий, транспортных средств на колесах регулярно используется родовый термин *чэ* «телега»: *мачэ* «телега» (букв. «конская телега»¹), *чочэ* «паровоз» (букв. «огненная телега»), *цичэ* «автомобиль» (букв. «паровая телега») и т. п. Все вместе они образуют парадигматический класс названий транспортных средств на колесах.

По мере повышения степени абстракции признака парадигматического класса можно формировать классы с все более абстрактным значением. Так, например, по признаку принадлежности к челове-

ческим существам можно выделить категорию слов, обозначающих лиц, и, соответственно, противостоящую ей категорию не-лиц, категорию слов, обозначающих признаки — переменные или постоянные. Синтагматические признаки слов, принадлежащих этим классам, описаны достаточно хорошо. Они выделяются на основании их способности сочетаться не только со знаменательными, но и со служебными словами. Иначе говоря, с повышением уровня абстракции признака, по которому выделяются парадигматические классы лексики китайского языка, в конечном счете можно прийти к лексико-грамматическим категориям, которые обладают не только формально-грамматическим, но и семантическим единством.

Морфема китайского языка обладает, как правило, несколькими разными, но связанными между собой значениями, среди которых одно достаточно условно принимается за основное, а остальные — за производные. В каждом отдельном употреблении многозначная морфема китайского языка обладает лишь одним из возможных значений. Актуализация соответствующего значения морфемы является сознательным актом говорящего и осуществляется с помощью связанных с нею морфем, которые составляют ее текстовое окружение. Это окружение не произвольно. Оно зависит от семантических и синтаксических свойств морфемы. Между текстовым окружением и семантикой морфемы китайского языка существуют закономерные связи.

Синтаксическая деривация морфемы, т. е. образование синонима с другими синтаксическими свойствами, обеспечивается морфо-синтаксическими средствами. При морфологическом способе дериваты образуются с помощью служебных морфем. Так, морфема *гоу* «крыть» выступает как существительное в сочетании с суффиксами предметности *-цзы* или *-эр*: *гоуцзы/гоуэр* «крыть», но в сочетании со служебным глаголом *чжу* «остановить» она выступает как глагол, ср. *гоучжу* «защепить крюком». Синтаксическим способом от именных морфем образуются глагольные и адъективные дериваты. Морфема *ба* «борона» в позиции переходного глагола при последующей морфеме *ди* «земля» выступает как ее глагольный синтаксический дериват «боронить». Обратный пример — морфема *гэн* «пахать» в позиции переходного глагола перед существительным выступает в своем основном значении: *гэн ди* «пахать», а в позиции определяемого перед определяемым-именем — в функции именного синтаксического деривата: *чуньгэн* «весенняя вспашка».

В рассматриваемых выше случаях про-

¹ В силу особенностей китайской традиционной материальной культуры телега мыслится как транспортное средство, приводимое в движение человеком. Поэтому телега, приводимая в движение тягловыми животными, называется *мачэ* «конская телега».

изводящие именные морфемы принадлежат семантическому классу «орудия труда». Вероятно, поэтому значение синтаксических дериватов связано с их денотацией. При образовании дериватов от именных морфем других семантических классов их значение часто бывает связано с сигнификацией производящей морфемы. По типу референции они представляют собой метафоры. Так, от морфемы *му* «дерево» можно образовать глагольный дериват с помощью видовременного суф. *-ляо/-ла*: *мула* «одеревенел». Однако в современном китайском языке «одеревенеть» означает не совсем то же, что в русском. В китайском это слово означает скорее потерю чувствительности, чем отвердение, поэтому *шэюу мула* «язык одеревенел» означает не отвердение языка, а утрату им чувствительности, т. е. способности различать вкус.

При составлении словаря синтаксические дериваты образуют особую проблему. Для их словарной трактовки перед лексикографом открываются три возможных пути. Все они испробованы в словаре. Один из них состоит в том, чтобы рассматривать синтаксические дериваты как омонимы с разными грамматическими свойствами. Так, морфема *му* «дерево» трактуется как два омонима: *му* «дерево» и *му* «одеревенеть, потерять чувствительность» (с. 634). В этой трактовке отразился морфологический подход к лексике китайского языка, которая в этом случае представляется как совокупность непересекающихся лексико-грамматических классов. Если какая-то морфема обладает противоречивыми синтаксическими свойствами, то это значит, что в ней скрыты два омонима, принадлежащие разным лексико-грамматическим категориям.

Второй путь — это трактовка синтаксических дериватов как разных значений одной и той же морфемы. Примером может служить описание значения морфемы *гоу* «крюк», где после двух именных значений указывается третье глагольное значение «зацеплять кого-что» (с. 309). Этот путь отражает общепринятый в лексикографии способ описания синтаксического деривата морфемы как ее отдельного значения.

Третий путь — это альтернативное указание многозначности морфемы. При таком способе описания слову китайского языка приписываются одновременно два синтаксически различных значения. Так, значение морфемы *бай* «белый» описывается следующим образом: «белый (белеть)»; «седой (сесть)». Это означает, что морфема *бай* «белый» имеет адъективное значение «белый, седой» и альтернативное ему глагольное значение «белеть, сесть». Однако и это не все: в примере,

приведенном здесь же, *ляньсэ байли тунхун* «лицо — кровь с молоком» (букв. «лицо — сквозь белое проступает красное») морфема *бай* имеет именное значение «белое», поэтому к его описанию можно было добавить также и именное значение «белое». В этой трактовке отразился функциональный подход к семантике морфемы: сама по себе морфема не принадлежит ни к одной из поверхностных лексико-грамматических категорий, но в зависимости от морфо-синтаксического окружения приобретает свойства соответствующего синтаксического класса.

Семантический подход к описанию значения морфемы требует учета ее референции и семантических свойств. Морфема *бай* «белый», как было показано выше, может выступить в качестве нескольких синтаксических дериватов. Однако при этом ее семантика остается неизменной: в своей именной функции эта морфема не приобретает предметной референции. Следовательно, здесь речь идет о поверхностном представлении качества как имени с той или иной фигуральной мотивацией. В приведенном примере *ляньсэ байли тунхун* «лицо — кровь с молоком» *бай* «белое» является метонимией лица, а *тунхун* «красное» — метонимией румянца. Предметное значение морфемы *бай* в этом примере в референтном отношении представляет собой метонимию ее основного качественного значения.

Морфемы китайского языка обычно многозначны. Источником многозначности является для имен фигуральная мотивация их употреблений: *шэн* «звук» может иметь метафорическое значение «слава», *ла* «вск» — метонимическое значение «свеча» и т. п. Для предикативов — глаголов и прилагательных — источником многозначности является каузативность: *жао* «двигаться по кругу» и «намазывать», *пин* «ровный» и «усмирять». Многосложные лексические единицы китайского языка — биномы, трехслоги, четырехслоги — представляют собой семантическое описание соответствующего референта, поэтому они чаще всего бывают моносемичными.

Семантика морфем непосредственно связана с семантикой многосложных единиц, чаще всего с семантикой биномов, в которые они регулярно входят. Примером может послужить бином *чэушуй* «черпать воду (водяным колесом)». Основное значение морфемы *чэ* «телега», ее метафорическое значение — «машина с вращающимися частями». Значение «черпать воду» появляется у нее лишь в результате переноса на нее значения бинома *шуйчэ* «водяное колесо». Такие ассоциативные значения могут насыщать несколько ступеней. Морфема *мян* «мука» употребляется в своем основном значении в бино-

ях *мяньтуань* «тесто», *мяньши* «мучные блюда» и т. п. Однако в бинеме *мяньтяо* «лапша» морфема *мянь* выступает не в основном значении, а представляет значение бинема *мяньтуань* «тесто» — только в этом случае его смысл может быть понят. Соответственно, в бинеме *мяньтан* «суп с лапшой», морфема *мянь* представляет значение бинема *мяньтяо* «лапша». Таким образом, значение морфемы китайского языка — это подвижная семантическая структура, изменяющаяся под влиянием не только синтаксических, но и прагматических факторов.

Перед составителями словаря стояла весьма нелегкая задача: перенести значения лексических единиц китайского языка на русский язык, т. е. отыскать наиболее точное соответствие каждому слову, а при отсутствии его — дать наиболее компактное описание. Проблема русских эквивалентов многосложных лексических единиц — бинемов, трехсловов, четырехсловов — обычно решается легко из-за их преобладающей моносемии. Однако при переводе значения однословных морфем весьма часто возникают трудности.

Основная причина подобных трудностей состоит в том, что степень и тип абстракции значений морфем в китайском и русском языках весьма различны. Это различие особенно заметно в случае именных морфем. Выше уже говорилось о гипонимии как об одном из главных средств парадигматической организации китайской лексики. Классы гипонимов создаются с помощью морфем с родовым значением, примеры которых приводились выше. В силу описанной выше особеннности морфемы включать в себя те значения, которые она приобретает в составе бинемов, регулярное использование таких морфем в качестве родовых терминов привело к расширению их значения.

Абстрактность значения морфем, выступающих в функции родовых терминов, хорошо известна составителям «Словаря современного китайского языка». Очень удачно в нем определяется значение морфемы *дао* «нож»: «орудие для резки, косьбы, строгания, колки, долбления; обычно делается из железа» [2, с. 214]. Менее удачным представляется толкование значения морфемы *коу* «рот»: «1) орган для приема пищи у человека или животных, в некоторых случаях он является частью органа речи; 2) (суф. *-эр*) наружная сторона выходного отверстия в сосуде; 3) место, через которое осуществляется проход туда и обратно» [2, с. 641].

Как представляется, все три значения этой морфемы *коу* связаны между собой. В сущности все они сводятся к единому значению «рот». Помимо прямого значения «рот» морфема *коу* может обладать несколькими метафорическими, основан-

ными на его сигнификативных свойствах. Рот может рассматриваться как метафора речевой деятельности человека: *коу цай* «дар красноречия», метафорой прохода между внешним миром и некоторым внутренним пространством, ср.: *шанькоу* «горный проход», *мэнькоу* «дверной проем», *хэкоу* «устье реки»; метафорой отверстия на сплошной поверхности: *лекоу* «разрыв», метафорой процесса резания как поедания, например, *даокоу* «лезвие ножа» (букв. «рот ножа»); метафорой процесса определения возраста тягловых животных по зубам: *суйкоу* «возраст тягловых животных». Таким образом, в той или иной форме «Словарь современного китайского языка» регулярно использует логическое определение как способ описания семантики морфем с абстрактным значением.

Составители китайско-русского словаря пошли по пути перечисления возможных переводов соответствующей морфемы на русский язык. Поскольку переводы далеко не всегда являются синонимами, каждый из них снабжен контрольным переводом на китайский язык. Примером может послужить словарная статья *чэ* «телега». Слова в скобках являются контрольным переводом русского эквивалента на китайский язык: «*чэ* (*чэлян*) „повозка“, (*дачэ*) „арба, телега“, (*дулунчэ*) „тачка“, (*шунаньлю сяочэ*) „тележка“, (*мачэ*) „экипаж“, (*качэ*) „грузовик“, (*чичэ*) „автомашина, машина“, (*цзай гуйдао шан син-цзоуды чэ*) „вагон“, (*лечэ*) „поезд“» (с. 100). Перевод «вагон» снабжен даже не контрольным переводом на китайский, а истолкованием. Отказаться от контрольных истолкований оказалось невозможным и в других случаях. Выше было приведено толкование значения морфемы *дао* «нож» в «Словаре китайского языка». В китайско-русском словаре оно толкуется следующим образом: «*дао* — (орудие резки, косьбы) нож, (оружие) сабля, меч» (с. 175). Таким образом, логическое определение значения морфемы так или иначе появляется в контрольных переводах к русскому эквиваленту соответствующей морфемы.

Подобного рода трактовка значений морфем китайского языка, естественно, никак не может сказаться на практических достоинствах словаря, который предлагает более адекватную и более детальную разработку значений лексических единиц, чем какой-либо иной китайско-русский словарь. Однако приведенное выше сравнение показывает, что по своему филологическому уровню в этом отношении он все же отстает от «Словаря современного китайского языка».

Значение словаря не ограничивается просто указанием русских соответствий словам и выражениям китайского языка.

Он является также источником стиля переводов с китайского языка на русский, выполненных китайскими русистами, ибо в значительной степени эти переводы опираются на наличные словари. Поэтому к языковому стилю переводов в словаре должно быть привлечено особое внимание составителей. Как правило, переводы на русский язык даются с соблюдением требований литературного стиля. Однако в периферийной лексике иногда обнаруживаются стилистические погрешности. В частности, из переводов следует, что составители считают *фимиа* регулярным словом современного русского языка, поэтому они в качестве одного из значений слова *сян* «аромат, ароматный» с пометой «принадлежность суеверия» указывают: «фимиа, ладан, курительные свечи: *шао ичжу сян* „зажечь связочку курительных свечей; возжечь фимиа (ладан)“; *шан сян* „ставить курительные свечи“» (с. 993), бином *фэньсян* переводится: «жечь (воскурять) фимиа» (с. 258), словосочетание *банр сян* переводится «фимиа (на палочке)» (с. 23). Однако в современном русском разговорном языке слово *фимиа* присутствует только в составе фразеологического оборота «курить фимиа» в смысле «лестить». Таким образом, слову *сян* в русском разговорном языке соответствует словосочетание

«ароматическая свеча». Перевод «курительная свеча» (с. 993) является правильным, но несколько устаревшим.

Китайско-русский словарь, составленный группой китайско-русского словаря Шанхайского института иностранных языков, является значительным достижением китайской славистики. Он, несомненно, окажет значительное влияние на развитие политических и культурных связей Китая и Советского Союза, на уровень подготовки русистов в КНР и китайцев в Советском Союзе, на филологический уровень переводов с китайского языка на русский. Спрос на этот словарь будет расти, поэтому не приходится сомневаться в том, что в последующие издания будут вноситься дальнейшие исправления и дополнения с учетом развития как китайского, так и русского языка, с учетом достижений лексикологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Драгунов А. А. Грамматическая система современного китайского языка. Л., 1962. С. 44.
2. Сяньдай ханьюй цыдянь. Бэйцзин, 1978.

Софронов М. В.

Yokoyama O. T. Discourse and word order. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1986. 361 p.

Профессор Гарвардского университета О. Т. Йокояма поставила перед собой задачу объяснить механизмы речевого общения с помощью разработанной ею модели обменов знанием (knowledge). Излагаемая в рецензируемой книге «Речевое общение и порядок слов» концепция речевого общения¹ обладает той индуктивной простотой, которая является важным мерилом для оценки лингвистической теории [2, с. 463; 3, с. 400, 407—408]².

Модель представляет процесс вербальной коммуникации двух говорящих в виде перераспределения различных типов знания внутри тех когнитивных наборов, которыми говорящие обладают в некоторый данный момент своей интеллектуаль-

ной активности [знание — это то, чему может предшествовать *я знаю (что/кто/то, что)* или *знаете(ли) вы...?*, т. е. то, что считает знанием сам говорящий]. Минимальная единица речевого общения включает четыре набора знания — двух говорящих, каждый из которых рассматривается в качестве набора знания данного индивидуума о мире и самом себе, и два набора знаний, которые важны для каждого из говорящих в данный момент (в некоторый данный момент человека касается непосредственно лишь часть знаний, которыми он обладает). Наборы знания говорящего никогда не остаются постоянными — каждое речевое событие изменяет ситуацию речевого общения, происходит обмен семью типами знания: 1) знанием о коде (*Я знаю, что такое осциллограф*), знанием независимым, имплицитным только знание предикации и обычно соотносящимся со знанием о пропозиции; 2) знанием о референции (*Вот Джейн Смит*), независимым, явно имплицитным лишь знание

¹ Как известно, не существует четких критериев для разграничения понятий «модель» и «теория» или для эмпирического различения их применения [1, с. 29].

² Об объяснительной силе теории как об одном из измерений ее адекватности см. [4, с. 34].